

ИСКУССТВО КОММУНЫ

Издание Отдела Изобразительных Искусств Комиссариата Народного Просвещения.

Цена 50 коп.

№ 4.

Петербург, Воскресенье, 29 декабря 1918 г.

№ 4.

ТОЛЬКО ТОТ КОММУНИСТ ИСТЫЙ, КТО МОСТЫ К ОТСТУПЛЕНИЮ СЖЕГ.

Декрет.

Дом гражданки Мятлевой, находящийся на Исаакиевской площади, уг. Почтамтской улицы, со всем находящимся в нем имуществом национализируется и передается в ведение отдела изобразительных искусств Комиссариата народного просвещения.

Народный Комиссар по просвещению А. Луначарский. Заведывающий отделом изобразительных искусств Д. П. Штеренберг.

От редакции.

Помещая статью А. В. Луначарского, редакция считает необходимым заметить, что:

1) Разрушительные наклонности, проявленные сотрудниками газеты, могли быть усмотрены только в стихах Маяковского в № 2 „Искусства Коммуны“. Редакция, печатая эти стихи, полагала, что одним из наиболее прочных культурных завоеваний европейской литературы за последнее время является освобождение поэтического произведения от буквального толкования. Ни один современный критик не решился бы утверждать, что Пушкин в своем стихе „Глаголом жги сердца людей“ призывает поэта какими-либо горящими моторами жечь сердца своих ближних. Давно установлено право поэта употребить для выражения своего творческого задания те образы, которые он находит соответствующими. Поэтому мы считали своей обязанностью поместить означенные стихи, хотя бы они и могли вызвать в некоторых неискушенных поэтической кругах ложное толкование.

2) Указание на стремление, говоря от лица определенной школы, говорить от лица власти, редакции всегда готова опровергнуть помещением статей представителей самых различных лагерей. Но в то же время редакция не может не указать на глубокую пасивность, проявленную со стороны тех немногих, действительно талантливых руководителей т. н. „правых“ и „левых“ течений, которые не мог не броситься в глаза наш ежедневно крупным шрифтом повторяемый призыв:

НАША ГАЗЕТА — ДЛЯ ВСЕХ, ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ В СОЗДАНИИ ГРЯДУЩЕГО ИСКУССТВА КОММУНЫ.

НАШИ СТОЛБЦЫ — ВСЯКОМУ НОВОМУ СЛОВУ В ОБЛАСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА, ТРУДА И СТРОИТЕЛЬСТВА.

Ложка противоядия.

Некоторые ближайшие мои сотрудники не мало смущены по размерам газеты „Искусство Коммуны“. На этой почве, — что греха таить, — возник даже легонький конфликт между коллегией Комиссариата Просвещения Сев. обл. и Отделом Изобразительных Искусств при том же Комис — те.

Признаюсь, я смущен.

Мне говорят — политика Комиссариата в деле искусства строго определена. Не напрасно, говорят мне, потрачено столько, порою, героических усилий на сохранение всякой художественной старины; не напрасно мы шли даже на ирекания, будто мы оберегаем „барское добро“, — и мы не можем позволить, чтобы официальный орган нашего же Комис — та изображал все художественное достояние от Адама до Маяковского лучей хлама, подлежащей разрушению.

Есть и другая сторона дела. Десяти раз я заявлял, что Комиссариат Просв. должен быть беспристрастен в своем отношении к отдельным направлениям художественной жизни. Что касается вопросов формы — звание Народного Комиссара и всех представителей власти не должен идти в расчет. Предоставить полное развитие всем художественным течениям и группам! Не презирать одною направлением затирать другое, вооружившись либо приобретенной традиционной славою, либо модным успехом! Слишком часто в истории человечества видели мы, как суетливые моды выдвигала новенькое, стремившееся как можно скорее превратить старое в ругину, и как после этого плакала следующее поколение над развалинами красоты, пренебрежительно проходя мимо недавних царьков быстрого успеха. Слишком часто также видели мы и обратное, когда какой-нибудь художественный Кошек-бесмертный заведя чужью жизнь и, заслонив солнце от молодого растения, обрекал его на гибель, калеча тем ход человеческого духа.

Не беда, если Рабоче-Крестьянская власть оказала значительную поддержку художникам-новаторам: их действительно жестоко отворачали старшие. Но говорю уже о том, что футуристы первые пришли на помощь революции, оказались среди всех интеллигентов или более ей родственными и к ней отзывчивыми, — они и на деле проявили себя во многом хорошими органами заготовки, и в ряду самых лучших результатов от организации по широкому плану Свободных Худож. Мастерских в многочисленных равнинных и провинциальных школах.

Но было бы бедой, если бы художники-новаторы окончательно вообразили бы себя государственной художественной школой, деятельной официальной, хотя бы и революционной, но сверху диктуемого искусства.

Итак, две черты несколько пугают в молодом лице той газеты, на столбах которой печатается это мое письмо: разрушительные наклонности по отношению к прошлому и стремление, говоря от лица определенной школы, говорить в то же время от лица власти.

Я хотел бы, однако, чтобы встревоженные газетой лица не придавали всему этому чрезмерного значения. Не напрасно воистинный футурист Пушкин на задворках того журнала, портал которого украшен истинными скульптурами Маяковского, но всех сил ищет не тем, чтобы спасти традицию Мастерской иконошени, и тревожится по поводу запрещения местной властью вывоза икон из Мстера. Я могу уверить всех и каждого, что, действительно, талантливые среди новаторов великомерно чувствуют и даже сознают, как много чудесного и очаровательного заключается в старине, и, как Августы, ухватывают друг друга и подмигивают, когда завосхально поносят все старое, отлично зная, что это — только молодая поза, и, к сожалению, воображая, что она им в лицу.

А. Луначарский.

Петроградский Совет Профессиональных Союзов (Дворец Труда).

Митинговый зал.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ.

Гряд с Красной ул. (б. Галерная).

В воскресенье, 29 декабря 1918 г., состоится продолжение дискуссии на тему:

„ПРОЛЕТАРИАТ И ИСКУССТВО“

по докладу тов. Цыборича, читанному в воскресенье, 15 декабря с. г.

Начало дискуссии ровно в 3 часа дня.

Приглашаются все пролетарские культурно-просветительские органы, художники, артисты, художники.

Вход бесплатный.

Футуризм — государственное искусство.

Наше искусство приходит к последнему этапу своего развития. Оно стало государственным искусством. Были даже случаи, когда не без остроумия рассуждали на то, что пришел давно желанный день — день «футуризма», ибо, став государственным искусством, «футуризм» немедленно займет опустошенный храм академизма и... дадимшее само собой податливый материал для осуществления, будто в самом начале Академия живит догмой, ублажающие творчество.

И не только защищать «футуризм» в целом. Может быть, есть также пределы желаний, которые «футуризм» не должен превышать, но, от имени авантюристов группы молодых художников и поэтов футуристов, в своем манифесте нам государство не надо. Не надо, впрочем, потому, что мы боремся за социалистическую будущую, а не государство не знает, как бороться, чтобы была только дух непримиримости к власти. Диктатура? Нет, не диктатура; мы предпочитаем любой диктатуры на машину и знаем, что диктатура — это искусство больше чем искусство — это метод — форма.

Самое главное — государственности показывать, не что иное, как скрытое обвинение за искусство.

Итак, вот, как футуризм революции привнес в искусство, как привнес в новое социальное учение, во всем, в каждой форме организации, государства, культуры, искусства, в каждой области знания, в каждой области науки, в каждой области искусства. И если бы даже «футуризм» не привнес в искусство, было бы в нем, в футуризме, нечто большее, что бы так же, как «футуризм» — явление из всех существующих художественных течений, а на это мы действительно не согласны, и потому, не отказываясь от того, чтобы не использовать государственную власть для осуществления наших художественных идей. Мы лучше лучше лучше, чем мы в этом упустили. Но если бы не было никакой власти, не было бы «футуризм» — явление из всех существующих художественных течений, а на это мы действительно не согласны, и потому, не отказываясь от того, чтобы не использовать государственную власть для осуществления наших художественных идей.

Итак, вот, как футуризм революции привнес в искусство, как привнес в новое социальное учение, во всем, в каждой форме организации, государства, культуры, искусства, в каждой области знания, в каждой области науки, в каждой области искусства. И если бы даже «футуризм» не привнес в искусство, было бы в нем, в футуризме, нечто большее, что бы так же, как «футуризм» — явление из всех существующих художественных течений, а на это мы действительно не согласны, и потому, не отказываясь от того, чтобы не использовать государственную власть для осуществления наших художественных идей.

Итак, вот, как футуризм революции привнес в искусство, как привнес в новое социальное учение, во всем, в каждой форме организации, государства, культуры, искусства, в каждой области знания, в каждой области науки, в каждой области искусства. И если бы даже «футуризм» не привнес в искусство, было бы в нем, в футуризме, нечто большее, что бы так же, как «футуризм» — явление из всех существующих художественных течений, а на это мы действительно не согласны, и потому, не отказываясь от того, чтобы не использовать государственную власть для осуществления наших художественных идей.

Итак, вот, как футуризм революции привнес в искусство, как привнес в новое социальное учение, во всем, в каждой форме организации, государства, культуры, искусства, в каждой области знания, в каждой области науки, в каждой области искусства. И если бы даже «футуризм» не привнес в искусство, было бы в нем, в футуризме, нечто большее, что бы так же, как «футуризм» — явление из всех существующих художественных течений, а на это мы действительно не согласны, и потому, не отказываясь от того, чтобы не использовать государственную власть для осуществления наших художественных идей.

Митинг об искусстве.

Митинг об искусстве стал у нас, товарищи, самым важным митингом. Мы должны были обсудить искусство, последовать друг за другом.

Итак, вот, как футуризм революции привнес в искусство, как привнес в новое социальное учение, во всем, в каждой форме организации, государства, культуры, искусства, в каждой области знания, в каждой области науки, в каждой области искусства. И если бы даже «футуризм» не привнес в искусство, было бы в нем, в футуризме, нечто большее, что бы так же, как «футуризм» — явление из всех существующих художественных течений, а на это мы действительно не согласны, и потому, не отказываясь от того, чтобы не использовать государственную власть для осуществления наших художественных идей.

Итак, вот, как футуризм революции привнес в искусство, как привнес в новое социальное учение, во всем, в каждой форме организации, государства, культуры, искусства, в каждой области знания, в каждой области науки, в каждой области искусства. И если бы даже «футуризм» не привнес в искусство, было бы в нем, в футуризме, нечто большее, что бы так же, как «футуризм» — явление из всех существующих художественных течений, а на это мы действительно не согласны, и потому, не отказываясь от того, чтобы не использовать государственную власть для осуществления наших художественных идей.

Итак, вот, как футуризм революции привнес в искусство, как привнес в новое социальное учение, во всем, в каждой форме организации, государства, культуры, искусства, в каждой области знания, в каждой области науки, в каждой области искусства. И если бы даже «футуризм» не привнес в искусство, было бы в нем, в футуризме, нечто большее, что бы так же, как «футуризм» — явление из всех существующих художественных течений, а на это мы действительно не согласны, и потому, не отказываясь от того, чтобы не использовать государственную власть для осуществления наших художественных идей.

Итак, вот, как футуризм революции привнес в искусство, как привнес в новое социальное учение, во всем, в каждой форме организации, государства, культуры, искусства, в каждой области знания, в каждой области науки, в каждой области искусства. И если бы даже «футуризм» не привнес в искусство, было бы в нем, в футуризме, нечто большее, что бы так же, как «футуризм» — явление из всех существующих художественных течений, а на это мы действительно не согласны, и потому, не отказываясь от того, чтобы не использовать государственную власть для осуществления наших художественных идей.

Итак, вот, как футуризм революции привнес в искусство, как привнес в новое социальное учение, во всем, в каждой форме организации, государства, культуры, искусства, в каждой области знания, в каждой области науки, в каждой области искусства. И если бы даже «футуризм» не привнес в искусство, было бы в нем, в футуризме, нечто большее, что бы так же, как «футуризм» — явление из всех существующих художественных течений, а на это мы действительно не согласны, и потому, не отказываясь от того, чтобы не использовать государственную власть для осуществления наших художественных идей.

Итак, вот, как футуризм революции привнес в искусство, как привнес в новое социальное учение, во всем, в каждой форме организации, государства, культуры, искусства, в каждой области знания, в каждой области науки, в каждой области искусства. И если бы даже «футуризм» не привнес в искусство, было бы в нем, в футуризме, нечто большее, что бы так же, как «футуризм» — явление из всех существующих художественных течений, а на это мы действительно не согласны, и потому, не отказываясь от того, чтобы не использовать государственную власть для осуществления наших художественных идей.

потому, что только эта молодежь снабжена действительной творческой силой. Дело не в «футуризме», но в том, что «футуризм» оказался обладателем художественного творчества. Среди безчисленного количества творческих групп царит растерянность. Проблема пролетарского искусства не поддается ни пролетариату, ни передвижникам, ни тем меньше индивидуалистам из «Мира Искусства». Если внимательно присмотреться к тому, что делается сейчас в нашем художественном мире, всем станет ясно, что «линии поведения» нет никуда. Только молодежь, примыкающая к так называемому «футуристическому» движению, знает — очень хорошо знает — чего она хочет; только ей и поставлена во весь рост проблема пролетарского искусства, и уж, конечно, никак другим она и не может быть разрешена. Мы — не захватчики власти, мы — гадчики будущего «Футуризм» — не одно из многих художественных течений, но единственное живое. Можно проиступить, разрядить, ослабить «футуристическое» движение, но его нельзя уничтожить, ибо «футуризм» — не государственное искусство, но единственно правильный путь по линии развития общечеловеческого искусства.

Н. Пунин.

Уцелевший бог.

Не мало богов извергнуто пролетариатом, но мало святилищ разнесено. Но один бог уцелел, в один храм боится вступить победоносный пролетариат. Этот бог — красота, этот храм — искусство.

Чем больше пролетариатывается к тому, что говорят представители пролетариата на митингах и собраниях, устно и в печати, тем больше поражались: откуда эта неслыханная робость, этот невольный трепет перед святыней? Странно видеть, когда беспощадный террорист, готовый во имя торжества коммунизма расстрелять сотни белогвардейцев и заложников, способный стереть с лица земли целые села и города; когда этот жестокий, не знающий жалости, революционер с поном у рта защищает Пушкина, Рафаэля, Микель-Анджело и прочих «святых отцов» искусства от «кощунственных» футуристов.

Всем отлично известно, что никто не собирается ни уничтожить сочинений Пушкина, ни слепить картины Рафаэля, ни разбивать статуи Микель-Анджело. Все прекрасно понимает, что речь идет исключительно об ореоле святости, которым окружат этих непогрешимых или эстетической церкви. Неудивительно, когда буржуазия и пролетариат идеологическим заповедом буржуазная интеллигенция готовы растерзать любого, кто осмелит незначительно прикоснуться к освященному вековыми традициями иконостаю. Но странно, когда в пору разъяренного перся становится пролетариат.

«Надо ежедневно плевать на алтарь искусства».

и создания лучших условий жизни, в создании новых жилищ, новых предметов обихода, новых форм одежды и т. д. Тут открывается для художников широкое поле деятельности. Тут открывается еще больше простора для фантазии, чем раньше, когда они писали картины, но не создавали вещей. Художники, как в древней Греции, Египте или во времена Ренессанса, должны приблизиться к массам и вместе с ними строить и творить новую жизнь, творить так, чтобы им было понятно. Пусть художники идут на заводы, фабрики и в мастерские, пусть создают реальные вещи, пусть и они сделаются такими же производителями, как рабочие.

Против такой постановки вопроса высказался член общества имени Куйбышева, Кудрявцев, который полагает, что художник не машина, поддающаяся разным переделкам. Необходимо и переделываться. Художники, как и все, должны и оставаться. Нет никакой нужды подделываться под пролетариат. Пролетариат сам понимает, какое искусство ему нужно. Наша группа мыслится не будет. Может быть, наше искусство не нужно пролетариату, — тогда мы умрем естественной смертью.

Слушатель Кривин в своей речи заявил ту мысль, что искусство во всех его проявлениях имеет право на существование. Но его мнение, цель и смысл искусства — развивать красоту жизни. Весь смысл работы художника заключается в том, что он призван будить красоту жизни, без которой жизнь теряет всю свою прелесть. До сих пор художники переживали истинную трагедию. Они должны были вести борьбу с теми, для которых они творили, с помещиками. Но вот наступила революция. Казалось бы, для художников должны были наступить лучшие времена, но тут их обманывали буржуазии, в их искусство — буржуазным. Это несправедливо. В искусство не может быть никакой диктатуры. Только в стенах Дворца Труда признали художников. Теперь мы не можем начать свою работу, заключающуюся в том, чтобы создать небольшие произведения искусства, которые могут научить широкие массы красиво участвовать, чувствовать всю красоту жизни.

Затем выступил бывший художественный критик «Нового Времени», Браченко. Он остановился, главным образом, на том, что труд художника не может быть приравнен к труду рабочего. Труд художника не

сказал Маринетти. Он прав. Слишком много святости, слишком много идолопоклонства в нашем подходе к искусству, слишком мало сознательного отношения и трезвой критики.

Никто не отрицает значимости исторических памятников; никто не оспаривает громадной культурной ценности музейных богатств, — но смешно думать, что ими мы утолим нашу жажду творчества, что созерцание былого величия заменит нам волю к грядущему великолению.

«Что можно найти в старой картине, как не тягостную оудорогу художника, стремящегося уничтожить непреодолимые преграды для своего желаний выразить всецело свою мечту?»

«Восхищаться старой картиной — это означает: пилить нашу чувствительность и долготрапную урну, вместо того, чтобы швырнуть ее вперед сильным движением активного созидания. Неужели вы хотите выпечатать таким образом ваши лучшие силы в бесполезном восхищении прошлым, откуда вы неизбежно выходите похуренней, уменьшенной, затоптанней?»

«В самом деле, ежедневное посещение музеев, библиотек и академий (О, кладбища исторических усадеб! О, Голгофы разбитых мечт! О, реестры разбитых порывов!) — для артиста это то же, что продленная опека родителей для умных молодых людей, опьянивших своим талантом и честолюбивым желанием.

«Для умирающих инвалидов и убогих еще куда ни шло. Может быть, это чудное прошлое — балзам для их ран, раз истощенное им воспринято... Но мы его не хотим; мы — молодые, сильные, живые футуристы». (Маринетти).

Разве это — не боевой плач всякого строителя будущего? И разве не о тех, кто вместо новой красоты пытается облек революционный пролетариат в мертвую красоту прошлого, сказал Марсе:

«Трагедия всех отживших поколений кошмаром таится над головами живых и, именно, когда кажется, что они спасены радикальными преобразованиями, что они создадут нечто новое, никогда небывшее, в такие эпохи революционного кризиса они болезненно прижимают к себе на помощь духа прошлого, заимствуют у них имена, лозунги борьбы, даже костюм и в этих освещенных веками одеяниях и на зашифованном языке разглагольствуют новый эпизод всемирной истории».

Поменьше святости, товарищи; поменьше переписки бумагами; побольше революционного сознания, революционного творчества!

О. М. Брик.

может быть приурочен к определенным часам. Он работает все дни. Он работает глазами, изучая формы и краски. Только потом он создает свои произведения. Нужно дать художникам возможность создавать свои произведения. Художников вовсе не так много, куда меньше, чем агитаторов, которых, пожалуй, хватает не только на Россию. Не следует художников пускать на заводы. Художники должны создавать вещи для отдыха. Искусство — место для отдыха от тяжелого труда, сад для наслаждения. Художники всегда стояли близко к народу. Они в поисках за теми же людьми в деревни, на базары, фабрики, всевозможные дома. Художники ищут волею прямо быть гражданами народа, каторжника, а не той каторжника, к которой причислена буржуазия.

Затем выступил наш Митинговский Интеллигент советские в целом, в частности, интеллигент перед тем, как начать свою интеллигентско-аудиторскую мину, эту «интеллигентско-аудиторскую мину», он обратился к рабочей части собрания. Тов. Манюшкин сказал:

«Мы приветствуем признания господина и создателя пролетарского искусства. Но разве можно прилепять к этому делу огульки всех людей искусства, как это делается сейчас? Вы говорите: «добро поздравить». Мы говорим: представьте наши взгляды. Как вы полагаете, сердцем близки ли с пролетарской революцией для каждой из нас новая хозяйка? Сейчас все, кто вчера дебатировал вопрос о негодности вам руки, часоро условились пойти идею, — но нас эти не переубедят. О том же надо говорить и своими словами. Нужна новая форма искусства. Поставить памятник металлу мало, надо еще, чтобы он отличался от памятника печатному, поставленного парем. Революция, разделившая на два лагеря всю Россию, провела грань и между правым и левым искусством. Итого — мы, боретатели нового, направленные, смотрим на искусство как на способ веческих приобретений. Это неизбежно понимают рабочие, радостно причащающие свои нагуления. Всякое искусство нет. Новое создает только пролетариат, и только у нас, у футуристов, общий с пролетариатом дорога».

Ярко агитационный характер всемо выступавшего тов. Амаловича. Он сказал, что нельзя требовать никаких мандатов от художников. Его не предвзвиг ни крайнее правое крыло, ни крайнее левое крыло. У нас хорошая память. Мы отлично помним наших дру-

Той стороне.

Мы
не вопль гениальничанья —
„все дозволено“,
мы
не призыв к ножевой расправе,
мы
просто
не ждем фельдфебельского
„вольной“
чтоб спину искусства размять.
Расправитъ.
Гарцуют скелеты всемирного Рима
на спинах наших.
В могилах мало им.
Так чтож удивляться
что непримиримо
мы
мир обложили сплошным „долоем“.
Характер различен.
За целость Венеры вы
готовы щадить вензв камарилью.
Вселенский пожар размочалил нервы.
Орете
„Пожарных!
Горит Мурильо!“
А мы
не Корнеля с каким-то Расином —
отца —
предложи на старье меняться, —
мы
и его
обольем керосином
и в улицы пустим —
для иллюминаций.
Бабушка с дедушкой.
Папа да мама.
Чинопочитанья проклятого тина.
Лачуги рушим.
Возносим дома мы.
А вы нас —

„ловить арнаном картинок?!“
Мы
не подносим
„Готово!
На блюде!
Хлебайте сладкое с чайной ложницы!“
Клич футуриста:
были б люди —
искусство приложится.
В рядах футуристов пусто.
Футуристов возраст — призывы.
Изрубленные, как капуста,
мы войн
революций призы.
Но мы
не зовем обывателей гроба.
У пьяной,
в кровавом пунше,
земли
смотрите! —
взбухает утроба.
Рядами выходят юноши.
Идите!
под ноги —
топчите ими —
мы
бросим
себя и свои творенья.
Мы смерть зовем рожденья во имя.
Во имя бега,
паренья,
ревяня.
Когда-ж
прорвемся сквозь все заставы
и праздник будет за болью боя —
мы
все украшенья
расставит заставим —
любите любовь!

В. Маяковский.

От Комиссариата Народного Просвещения.

Настоящим объявляется, что общий художественный контроль над всеми школами, преследующими цели художественного воспитания и образования, принадлежит исключительно отделу изобразительных искусств Комиссариата Народного Просвещения.
Все школы указанного типа могут быть открыты лишь с ведением отдела изобразительных искусств.
Народный Комиссар по просвещению А. Луначарский. Правительственный Комиссар по делам искусств Д. П. Штеренберг. Секретарь Б. Лившиц.

Художники 3-ей категории.

Художники обижены: их причислили к 3-ей категории, наравне с лицами, живущими с доходов на капитал и разного рода предприятий. Обижены, впрочем не все. Художники, работающие в мастерских, в школах, в учреждениях, на фабриках, на заводах, относятся в высшие категории, согласно занимаемому ими положению. Группу „обиженных“ составляет художники, единственным источником дохода которых является работа на заказ и продажа изготовленных на дому изделий. По своему социальному положению они ничем не отличаются от ремесленников — предпринимателей и потому справедливо причислены к 3-ей категории.

Но художники все-таки обижены. Почему? Во-первых, потому, что они не привыкли состоять в высшем разряде граждан, привыкли быть члнми не только многих других смертных. Во-вторых, художникам не равнодушно на сапожников и портных; они привыкли к высокому званию „жреца“ и „священнослужителя“. В третьих, они никак не могут усвоить, что такое творчество — не заслуга, а обязанность, и поэтому им трудно преимуществ давать не может.

Обиженные художники стараются доказать, что их роль в Коммуне весьма значительна. Одни определяют ее, как служение красоте. „Мы служим красоте. Мы хотим нас, дабы мы могли эту красоту творить.“ Другое суждение, настолько явно похожее на теорию материализма, что их несостоятельность ясна сама собой. Другие говорят: „Правда, мы не принимаем непосредственного участия в коммунистическом строительстве, но зато мы создаем отдых для усталых борцов. Мы освещаем, мы развлекаем зренье, заставляем забыть о жестокой борьбе.“ Соображения — совершенно неприемлемые для пролетарского сознания. Эти попытки изменить свое положение приводят как раз к обратному результату: убеждают в полной общественной бесполезности такого рода художников.

Но, помимо этого, старания обиженных художников доказать свое право на высшую категорию совершенно напрасны. Категория предусматривает полезность тех или иных лиц, а их социальное положение. Художник, как таковой, ни в какой категории не отнесется. Если он работает на заводе или в мастерской по определенным станкам, он попадает в высшую категорию, как рабочий, как служащий; если же он работает на дому, по志愿ной воле, то и является, как ремесленник-предприниматель. Художникам 3-ей категории следует не обижаться, а просто направленно перейти на пролетарское положение.

Однако, такой переход представляет для многих значительное затруднение. Во-первых, с материальной стороны: никакая служба не в состоянии дать тех же работ, которые дает полная работа. Это особенно касается художников с званием: на „поле“ можно заработать, за фирму бешеные цены; на службе же не сделаешь. Там или не причем, наша реальная работа. Во-вторых: „подневольная работа насилует свободное творчество“. Малая буржуазия всегда выдвигала довод против пролетаризации труда. Всегда утверждалось, что работа на заводе, работа по найму обесцвечивает, притупляет ироническую творческую „силу“. Этот прос слишком ясен. Пролетаризация всякого труда в том числе и художественного, культурная необходимость и неизбежность. Тут не помогут никакие выдумки над якобы погибающей свободой творчества.

В третьих, большинство художников не приспособлено к новым формам художественной производственности. Художник, всю жизнь писавший картины и продававший их на выставках и через художественные магазины, сейчас находится в критическом положении. Картины никто не покупает, жить не с чем, а в то же время его, как буржуа, зачислят в 3-ю категорию. Куда применить свой рабочий омут? В каком производстве может пригодиться умение изображать красками на холсте занятые жанры и частенько любовники? Естественно, что, из чувства самосохранения, художники всячески стараются доказать, что искусство очень нужно пролетариату, что они воспитывают вкус и что за такую общественно-полезную деятельность следует дать высшую категорию. Положение жалкое, подчас даже трагическое.

В утешение можно указать, что в таком же положении находятся и многие другие категории граждан погибшего буржуазного строя: пари, бежавы, министры, генералы, банкиры, ливрейные лакеи.

О. Б.

лей и врагов. Мы помним, что до октября, даже до февраля, у нас не было певцов классовой борьбы в России. Пока мы находились в тюрьмах, в подполье, на чужбине, наша борьба не находила отражения в произведенных искусства.

Тов. Анселлович согласен с тов. Маяковским, что в искусстве много затхлого, консервативного, покрытого плесенью. Действительно, нужен, как говорит Маяковский, динамит, чтобы все взорвать. Но это не дает права говорить, что самым здоровым является левое искусство. В левом искусстве, полагает т. Анселлович, здоровы только печальки. Он преклоняется перед энергией левых, перед их энтузиазмом, с каким они отстаивают свое существование. Дорога динамика левых. Дороги их искания, хотя подчас они принимают предельные формы. Искания исканиями, но нужно все-таки и содержание. Действительно, о новых вещах нужно говорить новыми словами. Нужно выбросить из нашего арсенала слова, напоминаящие государственное время. Однако, не все старое плохо и не всякая новизна хороша. Пролетариат не только разрушает. Разрушая, он создает новое, и создавая он оставляет то, что нужно для новой жизни. Наша культура сложилась тысячелетиями. Мы берем наследство от старого. Мы заявляем, что будем охранять Рафаэля и Леонардо-да-Винчи от варваров. Если наш путь к победе ведет через разрушения музеев, произведений искусства, то мы приносим в жертву красивое, ибо наша цель — коммунизм. Но там, где это не нужно, мы стоим на страже искусства. Будущее зависит от будущего рабочего класса. Свободный труд даст возможность существовать свободному искусству. Возможно будет искусство не ради карьеры, не ради дивидендов, а для того, чтобы доставлять радость людям, а также радость тем, кто творит.

Рабочие дают художникам новые темы. Они предлагают художникам восновать труд. В монументе перед Дворцом Труда именно олицетворен Труд. Тут есть попытка изобразить Труд. Искусство должно иметь воспитательное, и агитационное значение. Ни одна школа в искусстве не имеет пока права претендовать, что она связана с рабочим классом. Такой школы еще нет. Тов. Анселлович, в заключение, предупреждает, что у пролетариата не будет поставщиков двора его величества, у пролетариата будет только свободное искусство. Никто не оценивает так искусство, как рабочие,

но они борются не только за брюхо, но за культуру. Ни одна школа в искусстве не будет под покровительством пролетариата. Певцами пролетариата будут те, кто будет сю певцами.

Художник Зуев высказался в том смысле, что тов. Анселлович является в вопросах искусства соглашателем с буржуазией. Пушкина, действительно, пора сдать в архив. Слова эти вызвали некоторые свистки. Председатель вынужден был попросить соблюдать порядок в здании Дворца Труда. Художник Зуев затем указал, что каждое время имеет свое искусство. Искусство не может быть абсолютным. Оно удовлетворяет только временным запросам. Репки и ему подобные не выражали чувств пролетариата. Такие художники теперь выдохлись. Только пролетариат даст новых художников. Тов. Анселлович стал на защиту тех художников, которые должны сойти со сцены. Ему поэтому аплодировали только буржуазные художники.

В заключение выступил тов. О. М. Брик. Он проинтересно отметил, что весь сыр-бор загорелся оттого, что художники не попали в надлежащую категорию. Тут старались квалифицировать труд художников. Вдох полагает, что художники должны направиться на завод; другие полагают, что этого мало, что художники должны создавать место для отдохновения, а третьи говорят, что художники своим творчеством должны культивировать вечную красоту, необходимую в жизни, чтобы красиво чувствовать. Прежде всего, говорит тов. Брик, нужно откинуть последнее. Выходит, что искусство является религией, монашеством, что противоречит пролетарской идеологии. Также не задача художников коммуны — создавать места для отдыха, где рабочие не могли бы думать о повседневных заботах. Это повинят активности рабочих. О прелестях отдыха „была рало“ говорить, ибо продолжается еще борьба. Пойти на завод — вот единственная задача художников. Творить красоту нужно не для выставок и особняков, а вливать ее в самое производство. Художники не должны служить отдельным лицам, а делу, они должны дело делать. Художники должны сделаться производителями. Следует думать меньше о красоте и создавать реальные вещи.

После выступления нескольких других ораторов дискуссия была отложена до следующего воскресенья.

М. Ленин.

